

Ірина СТАВНЮК*

Діяльність спецколегії Верховного Суду УРСР та обласних спецколегій у 1936 р.: характер обвинувачень, статистика, соціальний склад засуджених

Мета – на підставі звіту спецколегії Верховного Суду УРСР та обласних спецколегій від 1936 р. дослідити принципи формування, їхню діяльність, здійснення судочинства та політичну спрямованість судового покарання.

Методологія та методи. Для реалізації означеної мети були задіяні методи історичної реконструкції, проблемно-хронологічний, конкретно-пошуковий методи. Під час роботи із архівними матеріалами був використаний метод герменевтики. Критика історичного джерела здійснювалася з урахуванням принципів об'єктивності та історизму.

Висновки. Автор проаналізувала деякі аспекти і напрями судової політики більшовицького режиму у 1935–1936 рр. Основна дослідницька увага була зосереджена на діяльності обласних спеціальних судових колегій. Спецколегії повинні були значною мірою замінити позасудовий порядок ухвалення рішень, що був притаманний колегії ОДПУ СРСР. Навіть прискорений, але судовий розгляд, мав демонструвати суспільству справедливість ухвалених вироків стосовно осіб, яких обвинувачували у контрреволюційній діяльності.

Однак, навіть формалізований судовий розгляд не забезпечував необхідних темпів боротьби із різними «контрреволюційними» і декласованими групами. Переважна більшість спецколегій не справлялася із строками розгляду. Також члени спецколегії повинні були стежити за дотриманням всіх норм проведення слідства, наявності вагомих доказів. Але слідчі НКВС, сподіваючись на прискорений судовий розгляд, намагалися маніпулювати наявними фактами, оскільки не завжди могли отримати необхідні докази «контрреволюційної діяльності». Тому частина кримінальних справ відправлялася на дослідження, що знову збільшувало строки для покарання «контрреволюціонерів».

* *Ставнюк Ірина Іванівна* – молодший науковий співробітник відділу історії державного терору радянської доби Інституту історії України НАН України.

Практика застосування у 1934–1936 рр. спецколегій продемонструвала, що при проведенні масових арештів вони нездатні швидко ухвалити судові вироки стосовно так званих «контрреволюціонерів». Тому вище політичне керівництво СРСР під час Великого терору 1937–1938 рр. відвело їм допоміжну роль у тих справах, де були хоча б якісь примарні докази. Основні рішення ухвалювалися позасудовими органами – «двійками» та «трійками».

Ключові слова: спецколегія, Верховний Суд, НКВС УРСР, політичні репресії.

Актуальність дослідження функціонування державного терору обумовлена суспільною необхідністю розкриття злочинів російського комуністичного режиму. Намагаючись обґрунтувати масові вбивства реальних і потенційних опонентів, кремлівські очільники використовували також і судові органи. Останні у суспільній свідомості ще асоціювалися із відносною справедливістю, дотриманням чинного законодавства.

Вище політичне керівництво СРСР намагалося поєднати у радянському законодавстві декілька несумісних речей: класовий принцип, революційну/політичну доцільність і законність. Остання була комплексним явищем, що формувала основи правового життя і суспільства. Це принцип здійснення державою владних повноважень (законодавчого закріплення компетенції владних структур, ухвалення рішень у межах компетенції та на підставі закону, дотримання у діяльності державних структур конституційних прав і свобод людини). Водночас законність – це принцип поведінки особи у сфері права (реальна можливість здійснення суб'єктом права наданих йому прав за умови неухильного виконання покладених на нього обов'язків, конституційне закріплення правового статусу особи; можливість звернутися за судовим захистом власних прав та наявність ефективних засобів юридичної відповідальності). Також законність – це режим соціально-політичного життя (вимога точного і неухильного виконання законів та заснованих на них підзаконних актів усіма суб'єктами права), що визначає реальність писаного права та

ступінь його втілення¹. Отже, законність передбачає правовий режим, якому підпорядкована діяльність державних органів і фізичних осіб.

Натомість класовий принцип, що його пропонували більшовики, передбачав певні громадянські обмеження для соціальних груп, що володіли майном, наймали робітників, отримували прибуток не від безпосередньої участі у виробництві, тобто були експлуататорами чужої праці. Одразу після захоплення влади більшовики проголосили «Декларацію прав трудящого й експлуатованого народу»². Однак практика громадянських обмежень, запропонована у «Декларації...», швидко трансформувалася у судові і позасудові репресії, що передбачали ув'язнення або фізичне знищення таких осіб. Такі акції проходили під гаслами «Геть експлуатацію й експлуататорів!», «Грабууй награвоване!» і т. д.

Масові обмеження прав, ув'язнення і вбивства більшовики виправдовували також революційною доцільністю. Вона передбачала використання будь-яких засобів для утримання владних повноважень, що використовувалися для перебудови суспільства із іншими ідеологічними цінностями. Це один із самих небезпечних принципів під час революції, оскільки, як засвідчила практика, він зазвичай використовувався і проти самих революціонерів³.

Упродовж 1920-х рр. відбувалися дискусії⁴ про спроби сформуванню правовий режим у СРСР. Більшовицькому керівництву він був конче необхідний для легітимації їхніх владних

¹ Шемчученко Ю., Бобровник С. Законність / ред. кол.: Ю. Шемчученко (відп. ред.) [та ін.]. – К.: Українська енциклопедія ім. М. Бажана, 1998. – Т. 2: Д-Й. – С. 498.

² Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. 3 (16) января 1918 г. // Декреты советской власти. – Т. 1. – М., 1957. – С. 341–343.

³ Див., наприклад: Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак Термидора. – М.: Ипол, 1993. – 240 с.

⁴ Див.: Соломон П. Советская юстиция при Сталине. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 17–48.

повноважень, формування довіри суспільства і як прикриття для вилучення політичних опонентів. У 1922 р. працівник наркомату юстиції Я. Бранденбургський у контексті дискусії про правові основи російської радянської державності писав:

«Революційна законність не виключає революційної доцільності, вона повинна комбінуватися з нею, щоб досягнути тієї мети, яка перед нею [законністю. – Авт.] поставлена історією розвитку нашої революції»⁵.

Все більше стверджувалася думка про підпорядкованість права тільки державі, а законодавство має бути інструментом влади⁶, у даному випадку Й. Сталіна та його оточення. Дискусії у пошуках компромісу між законністю і революційною доцільністю та класовим підходом тривала майже до кінця 1920-х рр.

Після ухвалення Й. Сталіним рішення про початок колективізації правовий нігілізм та революційна доцільність почали остаточно домінувати у так званому радянському правосудді. Засоби масової інформації, пропагандисти почали транслювати думку керівництва Компартії, що в умовах індустріалізації і колективізації законність не можна ставити вище реалізації політичної лінії партії. Тобто найменший спротив, зокрема суцільній колективізації, завершувався судовим вироком чи позасудовим рішенням для громадянина, незважаючи на рівень тяжкості проступку. Часто словесна критика відверто злочинних дій партійно-радянських працівників, задіяних у колективізації, інтерпретувалася як «контрреволюційна агітація» і приводила до суворого вироку. Н. Романець виявила наступну динаміку діяльності органів юстиції. Упродовж 1927 р. органи юстиції УСРР розглянули 26 кримінальних справ по обвинуваченню у контрреволюційній агітації,

⁵ Докладно див.: Камалова Г. Концепция законности в годы НЭПа: теория и практика // Вестник Южноуральского государственного университета. Серия «Право». – 2008. – № 18. – С. 4.

⁶ Камалова Г. Концепция законности в годы НЭПа: теория и практика. – С. 9.

у 1928 р. – 174, у 1929 р. – 440 справ. Згідно висновків Кримінально-касаційної колегії Верховного суду УСРР, окружні суди кваліфікували як «контрреволюційну агітацію» навіть окремі вигуки невдоволення заходами влади, словесні образи її представників, членів різних комісій тощо. Як приклад згадувався випадок засудженого 1 березня 1929 р. Кременчуцьким окружним судом селянина Губіна, який вигукнув:

«Хліба нема, а на нема й суду нема!».

Ці слова були кваліфіковані як «контрреволюційна агітація» проти хлібозаготівлі⁷.

У 1930–1932 рр., згідно даних наркомату юстиції республіки, основу засуджених складали селяни, які не здавали зерно. Їхні дії також кваліфікували як «контрреволюцію». Так, у 1930–1931 рр. було засуджено 18 тис., у 1931–1932 рр. – 36 тис. осіб⁸. Кримінальні справи розглядалися поспішно, без вагомих доказів, без врахування реального економічного стану селянського господарства, кількості родини тощо. Це вкотре свідчило про «революційну доцільність» в ухваленні судових вироків.

Звичайно, що політичний / бюрократичний тиск, поспіх, «революційна доцільність» судових ухвал і позасудових рішень кінця 1920 – початку 1930-х рр. призвела до так званих «порушень соціалістичної законності». Саме таке формулювання застосовувалося очільниками Кремля, коли ішлося про констатацію масового беззаконня, здійсненого республіканським та місцевим партійно-радянським апаратом, судовими органами із санкції того ж таки Й. Сталіна. Особливо масові «порушення соціалістичної законності» проявилися під час суцільної колективізації та хлібозаготівельної кампанії 1932 – 1933 рр., що стали одним із інструментів творення Голодомору.

⁷ Романець Н. Репресивна політика радянської влади в українському селі (1925–1939). – Кривий Ріг, 2014. – С. 97–98.

⁸ Там само. – С. 165.

Але констатація масовості правопорушень бюрократичного апарату початку 1930-х рр. не призвело до масового покарання. Й. Сталін та його оточення одразу після завершення суцільної колективізації та Голодомору у 1934 р. розпочали удосконалення карального апарату – прокуратури, суду, держбезпеки і органів внутрішніх справ⁹. Деякі російські дослідники права стверджували, що реорганізація каральних органів стала кроком до «укріплення законності»¹⁰.

Одним із елементів цієї реорганізації стало створення загальносоюзного наркомату внутрішніх справ. Новоствореному наркомату підпорядкували органи міліції із кримінальним розшуком, виправно-трудові установи, підрозділи, що займалися видачою паспортів, внутрішні, прикордонні війська, пожежну охорону, відділ лісової охорони та ін. Але стержнем цього конгломерату було Головне управління державної безпеки, яке здійснювало координацію і контроль за всіма підрозділами наркомату. Нарком внутрішніх справ СРСР одночасно очолював Головне управління державної безпеки¹¹. Судова колегія ОДПУ СРСР, трійки при Повноважних представництвах ОДПУ СРСР, що здійснювали позасудову діяльність, були ліквідовані.

Ідея реорганізації ОДПУ СРСР, упорядкування її позасудової діяльності почала обговорюватися ще у лютому 1934 р. Принаймні про це свідчить постанова політбюро ЦК ВКП(б) про створення комісії політбюро у справах наркомату юстиції

⁹ Див., зокрема: *Окїпнюк В.* Органи державної безпеки УРСР (1922–1941 рр.). – Херсон: Видавець Грінь Д.С., 2017. – С. 229–296.

¹⁰ *Тязин Е.Н.* Организация и деятельность специальной судебной коллегии Верховного суда Мордовской АССР по рассмотрению дел о государственных преступлениях (1934–1938 гг.) // Вестник Мордовского университета. – 1995. – № 4. – С. 33–37.

¹¹ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. / состав. В. Хаустов, В. Наумов, Н. Плотникова. – М.: МФД, 2003. – С. 486; Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник. / авт.-сост. А. Кокурин, Н. Петров. – М.: МФД, 2003. – С. 59–60.

і ОДПУ СРСР, що була ухвалена опитуванням 15 лютого 1934 р. До її складу увійшли заступник голови ОДПУ СРСР Г. Ягода, члени політбюро ЦК ВКП(б) Л. Каганович і В. Куйбишев¹².

Центральною проблемою комісії стало вироблення алгоритму передачі і судового розгляду кримінальних справ, щодо яких повинні були ухвалюватися рішення у позасудовому порядку. Адже останні практично не мали всього набору задокументованих доказів «контрреволюційної діяльності» для ухвалення рішення у судовому порядку. Тому 10 липня 1934 р. політбюро опитуванням ухвалило постанову про перебудову судової системи, у тому числі і через створення наркомату внутрішніх справ. У постанові було використано словосполучення «правильний розгляд справ», а не «у відповідності із законодавством». Тобто завданням комісії було вироблення такого алгоритму, який дозволяв ухвалювати позасудові рішення по кримінальних справах із недостатньою доказовою базою у відповідності із настановами вищого політичного керівництва країни.

Нарком юстиції РСФРР М. Криленко у листі від 17 березня 1934 р. до члена комісії по організації наркомату внутрішніх справ СРСР Л. Кагановича писав, що немає необхідності створювати якісь додаткові спеціальні суди для розгляду кримінальних справ, що розслідувалися співробітниками ОДПУ СРСР:

«Якщо справи про військове шпигунство та терористичні організації можуть передаватися до військового трибуналу, то немає жодної необхідності решту справ, які розглядали в ОДПУ – про контрреволюційні злочини, про спекуляції, посадові злочини, про контрабанду, про фальшивомонетників та ін. – направляти до військових трибуналів. Обласні та крайові суди легко можуть впоратися з цією справою як суд першої інстанції. І репресія там буде принаймні не менш сувора, ніж

¹² Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. – С. 486.

репресія ОДПУ. Гарантії у правильності рішення буде, за всіх умов, звичайно, набагато більше»¹³.

У політбюро ЦК ВКП(б) частково дослухалися до думки М. Криленка. У санкціонованій 10 липня 1934 р. політбюро ЦК ВКП(б) постанові Президії ЦВК СРСР «Про розгляд справ про злочини, що розслідуються народним комісаріатом внутрішніх справ Союзу РСР та його місцевими органами», пропонувалося частину кримінальних справ розглядати у Верховному суді СРСР, Верховних судах союзних республік, крайових, обласних судах, а також головних судах автономних республік. Для цього при згаданих судових органах формувалася спеціальна судова колегія у складі голови та двох членів суду. Спецколегії розглядали кримінальні справи про контрреволюційні діяння, злочини проти порядку управління та посадові злочини.

Кримінальні справи про зраду Батьківщини, шпигунство, терор, вибухи, диверсії і т. д. передавалися до Військової колегії Верховного суду СРСР або військових трибуналів. Розслідувані наркоматом внутрішніх справ СРСР злочини на залізницях та водному транспорті передавалися до Транспортної і Водної колегій Верховного суду СРСР, лінійних залізничних і водних судів. Інші кримінальні справи повинні були передаватися до народних судів.

Протести на рішення згаданих колегій Верховного суду СРСР розглядала Судово-наглядова колегія Верховного суду СРСР у складі голови Верховного суду СРСР та двох його заступників за участі прокурора СРСР або його заступника. Через додаткове навантаження штати згаданих судів всіх рівнів надавалися додаткові штатні посади¹⁴.

¹³ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. – С. 509.

¹⁴ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. – С. 543–544; Политбюро и органы государственной безопасности / сост., вступ. ст., коммент. О. Б. Мозохина. – М.: Кучково поле, 2017. – С. 350–352.

Для позасудового засудження політичних опонентів більшовицького режиму, згідно ухвали політбюро ЦК ВКП(б) від 10 липня 1934 р. про затвердження постанови ЦВК СРСР про утворення наркомату внутрішніх справ СРСР, була створена особлива нарада при наркомі внутрішніх справ СРСР. Особлива нарада отримала право на ухвалення позасудових рішень щодо вислання, заслання, ув'язнення у виправно-трудова табори до 5 років, а також вислання за межі СРСР¹⁵.

У центрі нашої дослідницької уваги спецколегії, що функціонували в радянській Україні. На думку деяких російських дослідників, створення спецколегій

«сприяло зміцненню авторитету судових органів і демократичних засад правосуддя»¹⁶.

Однак вони не подали аргументів – яким чином проходила демократизація правосуддя?

Натомість аналіз процесу організації спецколегій засвідчив протилежні процеси. Кандидатури голови і членів обласних спецколегій затверджували обкомами Компартії. Партійний контроль означав лише одне – відсутність повного громадського контролю за цим органом. Його заміняла партійна бюрократія. Попередньо ці особи проходили спецперевірку через управління держбезпеки наркомату внутрішніх справ. Фактично органи держбезпеки і обком Компартії давали санкцію на призначення голови і членів спецколегії. Ці особи повинні були відповідати передусім критеріям особистої відданості Й. Сталіну, що забезпечив кар'єрний зріст, і політичної лояльності. У переважній більшості це були співробітники держбезпеки, що неодноразово доводили готовність до боротьби із реальними, потенційними і навіть уявними «контрреволюціонерами», «шкідниками», «ворогами народу»

¹⁵ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. – С. 544.

¹⁶ Тязин Е. Организация и деятельность специальной судебной коллегии Верховного суда Мордовской АССР по рассмотрению дел о государственных преступлениях (1934–1938 гг.) – С. 34.

тощо. Із 35 працівників спецколегії Верховного суду УРСР 30 були співробітниками ДПУ–НКВС із значним стажем оперативної роботи. Головою спецколегії Верховного суду був Прокопій Мулявко, який із 1920 р. працював в економічному управлінні ВНК–ОДПУ радянської Росії, із грудня 1931 р. очолював спочатку Харківській оперативний сектор ДПУ УСРР, згодом обласний відділ ДПУ по Харківській області. Інші 5 осіб працювали у трибуналах і судових органах із 1918–1919 рр.

Судовий розгляд на засіданні спецколегії проходив у закритому режимі, без участі народних засідателів та захисту. Це суперечило навіть Конституції СРСР 1936 р., де у ст.103 чітко зазначалося, що судовий розгляд здійснюється за участі народних засідателів, окрім випадків, спеціально передбачених законом. Оформлення і документообіг здійснювалося під грифом «Секретно» (рос.). Кримінальні справи із копією вироку поверталися до обласного управління НКВС. Отже, стверджувати про демократизацію правосуддя немає підстав.

Згідно інструкції прокурора СРСР і голови Верховного суду СРСР від 31 серпня 1934 р. «Про порядок застосування постанови ЦВК Союзу РСР від 10 липня 1934 р.», спецколегії мали розглядати кримінальні справи про контрреволюційні й особливо небезпечні злочини проти порядку управління (про контрреволюційну пропаганду і агітацію, шкідництво, масові безлади, бандитизм та ін.), що не були підсудні військовим трибуналам, також справи, провадження яких було відкрито згідно закону від 7 серпня 1932 р. (так званий «закон про 5 колосків»), що супроводжувалися масовими виступами чи розслідуванням були виявлені організовані угруповання¹⁷. Обвинувальні висновки кримінальних справ, що направлялися до розгляду спецколегією, затверджувалися прокурором області.

¹⁷ Тязин Е. Организация и деятельность специальной судебной коллегии Верховного суда Мордовской АССР по рассмотрению дел о государственных преступлениях (1934–1938 гг.). – С. 34.

Спецколегії відіграли значну роль у легітимації масових операцій Великого терору 1937–1938 рр. Зокрема, це був квазісудовий орган, який був створений як проміжна ланка між судом і позасудовим органом. На спецколегію відправляли кримінальні справи, де були дотримані хоча б мінімальні стандарти оформлення досудового розслідування. Однак із позасудовими органами ці кримінальні справи поєднували маніпуляції із свідченнями, фальсифікації доказів, порушення процедури розслідування та ін. Однак члени спецколегій не звертали на це увагу і ухвалювали необхідні вироки, начебто дотримуючись формальної судової процедури. Про репресивну сутність свідчить те, що виявлені громадяни, засуджені через спецколегії, у переважній були реабілітовані упродовж другої половини 1950-х – 1990-х рр.

Наприкінці літа 1938 р. почалося згортання масових операцій. Й. Сталін вирішив змінити керівництво наркомату внутрішніх справ СРСР, більшість начальників республіканських і регіональних НКВС – УНКВС. «Трійки» у прискореному порядку оформлювали кримінальні справи й ухвалювали «розстрільні» вироки, щоб остаточно приховати наслідки безпідставних арештів, маніпуляцій позасудових розстрілів та ув'язнень. Одним із перших кроків стало ухвалення закону про судоустрій СРСР у серпні 1938 р.¹⁸, де була підтверджена норма про порядок формування судових органів та участі у судових розслідуваннях народних засідателів. Зазначений закон фактично ліквідував спеціальні колегії і, згідно ст. 32, кримінальні справи по «контрреволюційних» злочинах, особливо небезпечних злочинах проти державного управління, розкраданні соціалістичної власності, особливо важливі посадові і господарські злочини розглядалися за участі народних засідателів.

Виявлена доповідна записка за 1936 р. розкриває динаміку зросту розгляду контрреволюційних справ у 1935–

¹⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. –1948. – № 38.

1936 рр. Це був період поступового розгортання політичних репресій і підготовки до масових операцій 1937–1938 рр. Зростаюча кількість арештованих ще була відповідною до пропускних можливостей сформованих спецколегій. Так, у 1935 р. обласні спецколегії розглянули 1832 кримінальні справи на 3539 осіб, у 1936 р. відповідно 3233 справ на 4451 осіб. Залишок нерозглянутих справ на 1 січня 1937 р. становив 500 кримінальних справ. Зріст кількості кримінальних справ спостерігався кожні півроку 1935 і 1936 рр. не менше як на 20%, що означає наявність стабільної тенденції до збільшення розмаху арештів, у тому числі за політичними мотивами. Найбільшу кількість розглянули Харківська, Дніпропетровська, Донецька і Київська обласні спецколегії. Це промислові області, де розпочалася політична «чистка» заводських колективів і партійно-радянського апарату. Й. Сталін вважав ці області критичними для господарського комплексу не лише республіки, а й СРСР. Тому основна увага спрямовувалася на пошук політично нелояльних осіб, керівників, які були із різних причин нездатні до здійснення управлінських функцій.

Однак у 1936 р. стало зрозуміло, що спецколегії не можуть дотримуватися термінів розгляду кримінальних справ. У 1935 р. у строк до 10 днів розглянули лише 22,5%, у 1936 р. – 29,5% справ. Переважна більшість справ розглядалася від 10 до 30 днів. На думку голови Верховного суду УРСР Ф. Шумятського і голови спецколегії Верховного суду УРСР П. Мулявка, причиною затягування розгляду стало різке збільшення кількості кримінальних справ. Також затримка відбувалася через неявку свідків, неритмічність роботи працівників прокуратури, які відправляли справи наприкінці місяця великими партіями. Вони зазначали, що менш «завантажені» спецколегії, зокрема Вінницька, у термін до 10 днів розглянула 55% кримінальних справ. Але у списку «успішних» значилися Київська (у термін до 10 днів розглянуто 52% справ) і Донецька спецколегії, де у строк понад місяць розглянули

лише 11% справ. Але ці спецколегії значилися у переліку тих, які розглянули найбільшу кількість справ. Отже, її члени зуміли організувати роботу так, щоб максимально вкладатися у найкоротші терміни. Можна припустити, що це могло статися через порушення регламенту або прискорення судового розгляду. Останнє передбачало низку рішень, що позбавляли підсудного його прав, зокрема, без виклику необхідних підсудному свідків, оскільки були інші свідки, які, на думку членів спецколегії, дадуть необхідні свідчення тощо. Лише у виключних випадках до судового розгляду долучали захисників (адвокатів) із числа перевірених і політично лояльних осіб. Такий «судовий конвеєр» давав можливість швидко ухвалювати вироки і вкладатися у визначені вищим політичним, прокурорським і судовим керівництвом «нормативи» судового розгляду.

Але після ухвалення Конституції СРСР 1936 р. і Конституції УРСР 1937 р. члени спецколегії вже змушені були проводити практично всі засідання за участі захисту, окрім випадків, що передбачало оголошення секретної інформації на засіданні спецколегії. Поява захисту із 1937 р. не лише ускладнило судовий розгляд, а й збільшилося його терміни. Це стало ще одним фактором зменшення кількості розглянутих кримінальних справ у встановлені терміни.

Ф. Шумятський і П. Мулявко також наголошували на неможливості членів спецколегії до якості слідчого матеріалу. Так, під час судового розгляду, за неповними даними, Харківська спецколегія відправила на дослідження 64, Дніпропетровська – 103, Київська – 56, Чернігівська – 43 кримінальні справи. Загалом у 1936 р. на дослідження відправили 439 (13,6% від загальної кількості) кримінальних справ, із них 90% після дослідження були слідством припинено, оскільки під час судового розгляду були виявленні маніпуляції, фальсифікації фактів та підтасовки слідчих.

Переважаюча більшість фігурантів кримінальних справ (3307 осіб) були засудженні згідно статті 54-10 (контрре-

волюційна агітація і пропаганда). Ріст відбувся через збільшення кількості виявлених «троцькістів». Це ті особи, які були виявлені у результаті «партійної чистки» чи кампанії «самокритики». Найбільша кількість засуджень відбулися у Харківській (765 ос.), Дніпропетровській (640 ос.), Донбасі (735 ос.), Києві (336 ос.). Це додатковий аргумент для тези про «чистку» від потенціальної політичної опозиції промислово-управлінських центрів республіки.

Натомість кількість справ про розкриття «контрреволюційних організацій» знизилася – у 1936 р. було засуджено лише 235 осіб, у 1935 р. – 887 ос. Ф. Шумятський і П. Мулявко пояснили таке різке падіння кількості засуджених по «організованій контрреволюції» недоліками обліку. Таких осіб засуджували по статтях 54-2 (збройне повстання) і 54-11 (організаційна діяльність у підготовці і вчиненні контрреволюційних злочинів) Кримінального кодексу УРСР. Але часто при кваліфікації «організованого контрреволюційного злочину» додавали статтю 54-10 (пропаганда й агітація) КК УРСР. Оскільки вона була першою у кваліфікації злочину, її подавали у відповідній статистичній колонці, натомість, щоб уникнути подвійності обрахування, статтю 54-11 у відповідній колонці не подавали. Така ситуація склалася по Донбасу і Дніпропетровській області.

Каральна політика теж була жорстокою. Стаття 54-10 КК УРСР надавали широкі можливості у виборі покарання – позбавлення волі від 6 місяців. Тому термін ув'язнення від 5 до 10 років отримали 1321 ос., від 2 до 5 років – 1847 ос.

Виявлені організовані контрреволюційні групи – це були «німецькі повстанські організації» Донецької, Одеської, Дніпропетровської, Київської областей, які отримували допомогу із Німеччини та іноді прослуховували по радіо виступи Гітлера, Гебельса, Герінга та інших нацистських політиків. Звичайно, що основні тези проговорювалися в особистих розмовах громадянами німецької національності. Саме ці розмови слідчі кваліфікували як «контрреволюційну агітацію»

і «створення контрреволюційної організації», оскільки прослуховування (не кожна родина мала радіоприймач) і подальше обговорення було колективним.

Аналіз соціальних прошарків став несподіваним для більшовицького керівництва. У 1935 р. спецколегії засудили 1232 ос. із числа так званих «куркулів» та декласованого елементу, у 1936 р. – 568 ос. Натомість збільшилася кількість засуджених колгоспників – у 1935 р. – 417 ос., у 1936 р. – 741 ос., робітників – у 1935 р. – 392 ос., у 1936 р. – 1005 ос.

Така ситуація була цілком закономірна. Станом на 1936 р. «куркулі» були вже рідкісним явищем, оскільки суцільна колективізація вже знищила практично всіх селян-власників. Окремих одноосібників вже не можна було кваліфікувати як «куркулів». Ріст кількості засуджених робітників, соціальної бази більшовиків, імовірно, відбувався із двох джерел. Імовірно, першим джерелом – це робітники із числа селян, які втекли від суцільної колективізації, залишивши майно новоствореному колгоспу. Звичайно, що вони у приватних розмовах критикували дії більшовицького керівництва, що було інтерпретовано як «контрреволюційна агітація й пропаганда». Інше джерело – це політично активні робітники, які намагалися розібратися у суті політичних й економічних рішень і почали задавати «незручні питання» і вимагати відповіді від місцевих партійно-заводських керівників. Це також розцінювали як «контрреволюцію». Ріст кількості службовців із 901 ос. у 1935 р. до 1005 ос. у 1936 р. відбувся через виявлення у партійно-радянському і господарському апараті причетних до «троцькістської опозиції» у 1920-х рр., під час «чистки» Компартії та доносів учасників приватних розмов.

Таким чином, судові спецколегії повинні були значною мірою замінити позасудовий порядок ухвалення рішень, що був притаманний колегії ОДПУ СРСР. Навіть прискорений, але судовий розгляд, мав демонструвати суспільству справедливість ухвалених вироків стосовно осіб, яких обвинувачували у контрреволюційній діяльності.

Однак навіть формалізований судовий розгляд не забезпечував необхідних темпів боротьби із різними «контрреволюційними» і декласованими групами. Переважна більшість спецколегій не справлялася із термінами розгляду. Також члени спецколегії повинні були стежити за дотриманням всіх норм проведення слідства, наявності вагомих доказів. Але слідчі НКВС, сподіваючись на прискорений судовий розгляд, намагалися маніпулювати наявними фактами, оскільки не завжди могли отримати необхідні докази «контрреволюційної діяльності». Тому частина кримінальних справ відправлялася на дослідження, що знову збільшувало строки для покарання «контрреволюціонерів».

Практика застосування у 1934–1936 рр. спецколегій продемонструвала, що при проведенні масових арештів вони нездатні швидко ухвалити судові вироки стосовно так званих «контрреволюціонерів». Тому вище політичне керівництво СРСР під час Великого терору 1937–1938 рр. відвело їм допоміжну роль у тих справах, де були хоча б якісь примарні докази. Основні рішення ухвалювалися позасудовими органами – «двійками» та «трійками».

Нижче публікується доповідна записка голови Верховного Суду УСРР про роботу спецколегії УСРР та спецколегій обласних судів за 1936 р. Документ публікується мовою оригіналу. Наявні у тексті стилістичні й орфографічні помилки, що не впливають на зміст документа, виправлені без застережень.

**Доповідна записка голови ВС УСРР
про роботу спецколегії УСРР
та спецколегій обласних судів за 1936 р.**

Совершенно секретно.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
О РАБОТЕ СПЕЦКОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА УССР и
СПЕЦКОЛЛЕГИЙ ОБЛАСТНЫХ СУДОВ ЗА 1936 г.

I. РАБОТА СПЕЦКОЛЛЕГИЙ ОБЛАСТНЫХ СУДОВ

Нагрузка Коллегий

По всем Спецколлегиям областных судов УССР за 1936 г. рассмотрено 3233 дела на 4551 чел., из которых в первом полугодии рассмотрено 1466 дел на 2184 чел., а во втором полугодии 1767 дел на 2267 чел.

Количество поступающих дел в областные Спецколлегии всё время увеличивается.

Если сравнить по полугодиям следующую картину:

За I-е полугодие 1935 г. рассм[отрено] –	619 дел на 1325 ч.
-"- II-е "- "- "- – 1213 "-	2214 ч.
-"- I-е "- 1936 г. "- – 1466 "-	2184 ч.
-"- II-е "- "- "- – 1767 "-	2267 ч.*

Осталось нерассмотренных областными Спецколлегиями на 1-е января 1937 г. 500 дел.

Как видно из этих данных, количество поступающих и количество рассмотренных дел всё время увеличивается. Во втором полугодии 1935 г. по сравнению с первым полугодием этого же года рассмотрение дел увеличилось на 95,9%. В первом полугодии 1936 г. по сравнению со вторым полугодием 1935 г. на 20,8% и во втором полугодии 1936 г. по сравнению с первым полугодием на 20,4%.

Движение дел по отдельным областям Республики за 1935–1936 гг. характеризуется следующими данными:

* Так у текстї, вище у документї зазначена загальна кількість засуджених за 1936 р. становила 4551 ос.

1935 г.

Наименование областей	1-е полуг[одие]		2-е полуг[одие]		Итого:	
	Кол. дел	Кол. чел.	Кол. дел	Кол. чел.	Кол. дел	Кол. чел.
Харьков[ская]	114	239	291	466	405	705
Днепропетровск[ая]	79	183	174	327	253	510
Донецкая	155	323	203	469	358	792
Киевская	89	194	228	346	317	540
Черниговская	51	125	108	231	159	356
Винницкая	46	100	124	199	170	299
Одесская	60	112	73	138	133	250
МАССР	25	49	12	38	37	87
Итого	619	1325	1213	2214	1832	3539

1936 г.

Наименование областей	1-е полуг[одие]		2-е полуг[одие]		Итого:	
	Кол. дел	Кол. чел.	Кол. дел	Кол. чел.	Кол. дел	Кол. чел.
Харьковская	379	431	417	550	796	981
Днепропетровская	225	332	301	479	526	811
Донецкая	201	393	333	446	534	839
Киевская	201	336	223	270	424	606
Черниговская	173	226	175	212	348	438
Винницкая	112	176	156	149	268	325
Одесская	124	232	132	136	256	368
МАССР	51	58	30	25	81	83
Итого	1466	2184	1767	2267	3233	4451

Приведённые данные показывают, что количество дел, поступающих в Спецколлегии, всё увеличивается.

Так, если Харьковская спецколлегия в 1935 г. рассмотрела 405 дел, то в 1936 г. – 796 дел. Соответственно этому – Днепропетровская – 253–526 дел, Донецкая – 358–534 дела, Киевская – 317–424 дела, Черниговская – 159–348 дел, Винницкая 170–268 дел, Одесская 133–256 дел и МАССР 37–81 дело.

С другой стороны, эти данные показывают, что поступление дел во всех Спецколлегиях неравномерно. Наиболее загружены: Харьковская, Днепропетровская, Донецкая и Киевская спецколлегии. Менее загружены Винницкая, Черниговская и Одесская.

Самое большое количество дел проходит в Харьковской спецколлегии, которая рассматривает почти одну четверть всех дел, возникающих по УССР.

Так, в 1935 г. Харьковская спецколлегия рассмотрела 22,1%, в 1936 г. – 24,5% всех дел, возникающих в УССР.

В последнее время, в связи с разоблачением остатков троцкизма, в Спецколлегии поступает большое количество дел на лиц, проводивших троцкистскую агитацию.

Темпы рассмотрения дел

Темпы рассмотрения дел в 1936 г., хотя и улучшились по сравнению с 1935 г., но всё же далеко не укладываются в сроки, указанные в инструкции. Если в 1935 г. до 10 дней рассмотрено 22,5% дел, а от 10 дней до месяца – 50% и свыше м-ца – 27,5%, то в 1936 г. до 10 дней – 29,5%, от 10 дней до м-ца – 52,7% и свыше месяца – 17,8%.

Главная причина, тормозящая сокращение сроков рассмотрения дел, это значительный рост поступления дел в 1936 г.

Нельзя не указать и на ряд других обстоятельств, влияющих на быстроту рассмотрения дел, а именно: по ряду дел несвоевременная явка свидетелей в судебное заседание приводит к откладыванию слушания дела.

Имеет значение и то обстоятельство, что дела задерживаются в Прокуратуре и обычно к концу месяца поступают в Спецколлегии большими партиями, что также задерживает подготовку дел к слушанию.

Подтверждением того, что перегруженность Спецколлегий отражается на темпах рассмотрения, может быть показатель темпов рассмотрения дел некоторыми Спецколлегиями в 1936 г.

Так, Харьковская спецколлегия, в которой самое большое поступление дел, рассмотрела до 10 дней – 11,1% дел, от 10 дней до м-ца – 51,5% и свыше м-ца – 37,4%. Такая же картина примерно и по Днепропетровску, где до 10 дней рассмотрено 18,7%, от 10 дней до м-ца – 63% и свыше м-ца – 18,3%.

Если взять Спецколлегии менее перегруженные, то получим совершенно иную картину.

Так, по Винницкой спецколлегии до 10 дней рассмотрено 55% дел, от 10 дней до 1 м-ца – 40% и свыше месяца – 5%, по Киевской спецколлегии – 52%, от 10-ти до месяца – 42,3% и свыше м-ца – 5,7% дел. Сравнительно такая же картина по Черниговской и Донецкой спецколлегиям, где свыше месяца рассматривается от 4 до 11% дел.

II. ХАРАКТЕР ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Основные виды контрреволюционных преступлений по Украине, подсудных Спецколлегиям, шли по следующим главным направлениям:

Осуждено по ст.	54-10 – к.р. агитация	– 3307
-"	-"	54-2
	54-1 – к.р. организации	– 235
-"	-"	54-4 – фашистская помощь
-"	за другие к.р. преступления	– 166
	(54-7, 54-12, 54-13, 54-14)	– 195
-"	по закону от 7.VIII.1932 г.	– 4
-"	за бандитизм	– 112
-"	-" контрабанду и переход границы	– 207

Если количество осуждённых по каждому виду преступлений в 1956 г. сравнить с количеством осуждённых по этим же видам в 1935 г. по полугодиям, то получим следующую картину:

Статьи У. К.	1935 г.		1936 г.	
	I-е полугод.	II-е полугод.	I-е полугод.	II-е полугод.
Ст. 54-10	414	1073	1405	1902
"- 54-2, 54-11	255	632	150	85
"- 54-4	315	181	126	40
Друг[ие] к. р. преступ[ления]	98	115	129	66
Закон от 7.8-32 г.	93	36	4	–
Бандитизм	51	34	95	17
Контрабанда	–	–	16	5
Прочие преступления	60	29	143	64
Итого	1286	2100	2068	2179

Как видно из этой таблицы, преступления по к[онтр]р[еволюционн]ых повстанческих организациях и фашистской «Помощи» резко падают. Так, если в первом полугодии 1935 г. по к[онтр]р[еволюционн]ым повстанческим организациям было осуждено – 255 чел., а во втором полугодии – 632 чел., то в первом полугодии 1936 г. осуждено – 150 чел., а во втором полугодии – 85 чел. Более последовательную картину снижения преступления имеем по группе Гитлеровской «Помощи». Если в первом полугодии 1935 г. по этой группе преступлений было осуждено – 315 чел., во втором полугодии – 181 чел., то в первом полугодии 1936 г. – 126 чел. и во втором – 40 чел.

Уменьшение количества дел фашистской «Помощи» имеет место ещё и потому, что проведением нескольких открытых судебных процессов по этим делам и последующей проработкой приговоров среди немецкого населения резко понизили распространение работы по этой «помощи».

Обратную картину имеем по делам к[онтр]р[еволюционн]ой агитации, где количество осуждённых из полугодия в полугодие увеличивается. Если в первом полугодии 1935 г. по этой группе преступлений было осуждено 414 чел., во втором полугодии – 1073 чел., то в первом полугодии 1936 г. – 1405 чел., а во втором полугодии – 1902 чел. Этот рост является результатом активации работы в 1936 г. троцкистских элементов.

Распределение видов преступлений по областям идёт неравномерно и характеризуется следующей таблицей.

Ст. ст. У. К.	Харьков		Днепропетр.		Донбасс		Киев		Чернигов		Винница		Одесса		МАССР	
	Абс	%%	Абс	%%	Абс	%%	Абс	%%	Абс	%%	Абс	%%	Абс	%%	Абс	%%
54-10	765	80,3	640	83,9	725	86,8	338	60,1	332	82,0	248	81,0	195	56,7	64	81,0
54-2, 54-11	53	5,6	57	7,5	–	–	51	9,0	16	4,0	8	2,6	40	11,7	10	12,7
54-4	8	0,8	13	1,7	39	4,7	32	5,7	5	1,2	22	7,2	47	13,4	–	–
Проч[ие] к.р. преступления	49	5,3	12	1,6	47	5,6	25	4,5	24	5,9	25	5,0	19	5,6	4	5,0
Бандитизм	20	2,0	7	0,9	7	0,8	65	11,6	–	–	–	–	13	3,8	–	–
Закон от 7.VIII.1932 г.	–	–	–	–	2	0,3	–	–	–	–	–	–	2	0,6	–	–
Проч[ие] преступл[ения]	58	6,0	34	4,4	14	1,7	37	6,6	28	6,9	10	3,2	25	7,3	1	1,3
Контрабанда и переход гран[и]ц	–	–	–	–	1	0,1	14	2,5	–	–	3	1,0	3	0,9	–	–
Итого	953	100%	763	100%	835	100%	562	100%	405	100%	306	100%	344	100%	79	100%

Следует отметить, что количество преступлений «организованной контрреволюции», которые проходят по статьям 54-2 и 54-11 УК, в поданной таблице по существу преуменьшено, вследствие того, что преступления, квалифицированные по ст. ст. 54-10 ч. II и 54-11 УК, отнесены по статучёту в графу «54-10». За счёт этого преуменьшено количество осуждённых, показанных в графе «54-1, 54-11», и увеличено количество осуждённых в графе «54-10».

В результате того, что преступления, квалифицированные по ст. ст. 54-10 ч. II и 54-11 УК, относились в графу «54-10», в сводке распределения видов преступлений по областях Донбасса не показано осуждённых по графе «54-2, 54-11».

Это положение имеет место в областях, где большое количество групповых дел (Донбасс, Днепропетровск).

Самое большое количество осуждённых за антисоветскую агитацию приходится на Черниговскую область – 82% всех осуждённых, Харьковскую – 80,3%, Донецкую – 86,8% и Днепропетровскую – 83,9%.

Дел по бандитизму, подсудных Спецколлегиям, больше всего падает на Спецколлегии: Киевскую – 11,6%, Одесскую – 3,8%, Харьковскую – 2%.

III. КАРАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

По видам преступления вынесены следующие меры наказания:

Ст. ст. У.К.	Всего осуждён.	К расстрелу	На 10 лет	От 5 л. до 10 л.	От 2-х до 5-ти лет	До 2-х лет	Исправит. трудов. раб.	Условно	Прочие меры наказания
54-2, 54-11	235	3	37	131	64	–	–	–	–
54-10	3307	1	94	1321	1847	37	3	4	–
54-4	166	3	7	63	91	1	1	–	–
Прочие к.р. преступления	195	7	27	44	104	13	–	–	–
56-17	97	37	24	21	16	–	–	–	–
174	15	3	4	6	2	–	–	–	–
Закон от 7.VIII.1932 г.	4	1	2	1	–	–	–	–	–
56-24	18	–	–	9	9	–	–	–	–
56-25	3	–	–	2	1	–	–	–	–
Проч[ие] преступления	207	2	–	29	75	40	46	5	9
Итого:	4247	57	195	1627	2209	91	50	9	9
%	100	1,4	4,6	38,1	52,0	2,1	1,2	0,3	0,3

Из таблицы видно, что достаточно сильная репрессия применялась к лицам, проводившим антисоветскую контрреволюционную агитацию.

Условное наказание, исправительно-трудовые работы и прочие меры применялись к лицам, проходившим совместно с обвиняемыми по закону от 7.VIII.1932 г. и друг[ими] статьями УК неспециальной части. Случаи же осуждения к этим мерам наказания за контрреволюционные преступления единичны.

Основной удар был нанесён по контрреволюционным немецким повстанческим организациям в Донецкой, Днепропетровской, Киевской и Одесской областях. Методы работы этих к[онтр]р[еволюционных] организаций сводились к созданию контрреволюционных немецких националистических организаций повстанческого характера на случай войны, непосредственно связанных с немецкими консульствами.

Немецкие консульства чаще всего через иностранно-подданных сколачивали кадры для оказания помощи интервентам в случае вторжения их на территорию Украины.

Идейное вооружение против соввласти эти повстанческие группы получали также и по радио. По большинству повстанческих немецких дел установлено, что руководители этих ячеек прибегали к организации коллективного слушания по радио речей Гитлера, Геббельса, Геринга и других фашистских вождей. Затем эти речи популяризировали среди населения.

По некоторым делам установлено, что фашистские организации даже пытались использовать кружки Осоавиахима в целях военной подготовки своих кадров.

Организаторами немецкого повстанчества являются также бывшие военнопленные русской армии немецкой национальности. По ряду дел установлено, что в 1917 г. для немцев и военнопленных русской армии в Германии были организованы специальные лагеря, в которых под видом «сельскохозяйственной школы» существовали пропагандистско-разведывательные курсы. Через эти курсы пропускались указанные выше военнопленные, а затем, в порядке обмена военнопленными, были переброшены в СССР для контрреволюционной работы.

Для иллюстрации приведём несколько примеров:

Дело к[онтр]р[еволюционной] группы КРАУЗЕ, ГЕЙМАНА и других в количестве 7 чел. (Днепропетровск).

Эта к[онтр]р[еволюционная] группа занималась обработкой немецкого населения с целью склонения его к оказанию помощи германским войскам в случае нападения на СССР.

Руководители этой к[онтр]р[еволюционной] группировки неоднократно доказывали населению неизбежность оккупации Украины немецкими войсками.

Краузе и Гейман, будучи в плену в Германии в 1915–1917 гг. во время империалистической войны, проходили пропагандистско-разведывательные курсы, организованные при лагерях для военнопленных русской армии немецкой национальности, под видом «сельскохозяйственных курсов».

После заключения Брестского мира Краузе и Гейман были переброшены в СССР, в порядке обмена военнопленными для контрреволюционной работы среди немцев-колонистов.

С установлением фашистской диктатуры в Германии руководители этой группы к[онтр]р[еволюционную] работу усилили.

Гейман публично выступил на собрании колхоза с призывом не отказываться от «помощи» за границы и хранить благодарность в отношении руководителей Германии, по инициативе которых оказывается эта «помощь».

Все участники этой группировки осуждены от 5-ти до 10 лет лишения свободы.

Дело к[онтр]р[еволюционной] группы Штреккерта, Геллерта и других в количестве 7 чел. (Днепропетровск).

Штреккерт и другие организовали к[онтр]р[еволюционную] повстанческую группу среди немецкого населения в целях оказания помощи оккупационной армии при вторжении её на УКРАИНУ.

Штреккерт, являясь руководителем кружка Осоавиахима в кол. Николайфельд, использовал кружок для вовлечения немецкой молодежи в к[онтр]р[еволюционную] повстанческую работу.

Штреккерт и Геллерт устраивали коллективное слушание по радио речей руководителей фашистской Германии. Писали за границу письма клеветнического характера о положении в СССР. Все участники этой группировки осуждены от 3-х до 5-ти лет лишения свободы.

Дело к[онтр]р[еволюционной] группы Шилле и других в количестве 9 чел. (Одесса). Шилле, ранее осуждённый за нелегальный переход границы и шпионаж, был освобождён досрочно. Восста-

новив связь с немецким консульством через свою дочь, начал проводить активную контрреволюционную работу и завербовал для контрреволюционной работы ряд раскулаченных элементов.

Проводя контрреволюционную агитацию националистического характера среди немецкого населения, указанная контрреволюционная группа давала установку: «Всякий немец должен оказывать активную помощь Германии и интервентам в случае нападения на Советский Союз». Все участники этой группировки осуждены от 5 до 10 лет лишения свободы.

Дело контрреволюционной группы Тильмана, Флейтеран и других в количестве 6 чел. Эта группа занималась составлением писем контрреволюционного характера и направляла их за границу. Систематически проводила контрреволюционную агитацию против советской власти террористического характера. Все участники этой группы осуждены от 5-ти до 10-ти лет лишения свободы.

Дело ФРАНКА – раскулаченного (Одесса). На протяжении 1925/1930 гг. систематически писал информации в адрес редакции «Штатс Айнцайгер» – контрреволюционно-провокационного характера. Состоял постоянным корреспондентом указанной газеты. Получал от редакции денежные вознаграждения. Наряду с этим писал письма провокационного характера от имени разных лиц в адрес указанной редакции с просьбой о высылке «помощи». В результате чего многие получали так называемую «помощь», из которой Франко часть денег присваивал себе, Франко осуждён на 5-ть лет лишения свободы.

В результате решительного удара, нанесённого Спецколлегиями по агентам фашизма, мы имеем за последнее время значительное уменьшение количества осуждённых по этим делам. Если за первое полугодие отчётного периода по ст. ст. 54-2 и 54-11 УК УССР было осуждено 150 чел., то во втором полугодии – 85 чел.

Такую же картину уменьшения количества осуждённых имеем по ст. 54-4 УК УССР. В первом полугодии 1936 г. по этой статье было осуждено 126 чел., то во втором полугодии – 40 чел.

В приведённой таблице указывалось, что самое большое количество лиц осуждено по ст. 54-10 ч. 1 УК, т. е. за контрреволюционную агитацию. Эта статья Уголовного кодекса предусматривает все виды контрреволюционной агитации, как контрреволюционную агитацию, направленную против отдельных мероприятий партии и пра-

вительства, так и троцкистскую террористическую к[онтр]р[еволюционную] агитацию. Соответственно этому и применялась мера судебной репрессии. Для характеристики этой категории дел приведём следующие примеры:

Дело Ефимова Ефима Абрамовича, служащего, осуждённого по ст. 54-10 ч. 1 УК на 8 лет исправ[ительных] трудовых лагерей за то, что он проводил к[онтр]р[еволюционную] агитацию, направленную на защиту к[онтрреволюционе]ров террористической банды Зиновьева-Каменева, одновременно восхвалял к[онтрреволюционе]ра Троцкого и высказывал террористические настроения по отношению руководителей партии.

Дело Дорвита Дмитрия Митрофановича, служащего, осуждённого по ст. 54-10 ч. 1 УК на 5 лет исправ[ительных] труд[овых] лагерей за то, что он проводил к[онтр]р[еволюционную] агитацию, направленную против мероприятий партии и соввласти, оскорбительно отзывался о руководстве партии и проявлял в разговорах террористические настроения.

Дело Либермана Калмана Диховича, рабочего, осуждённого по ст. 54-10 ч. 1 УК на 7 лет исправ[ительных] трудовых лагерей за то, что он среди рабочих завода им. «Ворошилова» проводил к[онтр]р[еволюционную] агитацию, популяризуя к[онтрреволюционе]ров Троцкого, Зиновьева и Каменева. Во время судебного процесса по поводу убийства т. Кирова высказывался в защиту убийц т. Кирова. Агитировал рабочих о том, что только Зиновьев и Каменев являются действительными защитниками рабочего класса.

Дело Щеголева Никифора Ульяновича, рабочий, осуждён по ст. 54-10 ч. 1 УК на 3 года лишения свободы за то, что он среди рабочих проводил к[онтр]р[еволюционную] агитацию против мероприятий партии и правительства в области сельского хозяйства и рабочего класса, кроме этого, проводил антисемитскую агитацию. Защищал к[онтр]р[еволюционную] террористическую банду Зиновьева и Каменева, а также высказывал террористические настроения.

Дело Кравченко Никифора Осиповича, колхозник, осуждённый по ст. 54-10 ч. 1 УК на 3 года лишения свободы, за то, что он среди колхозников проводил к[онтр]р[еволюционную] агитацию, направленную против мероприятий партии в области коллективизации и стахановского движения.

Дело Шведуна Василия Николаевича, рабочего, осуждённого по ст. 54-10 ч. 1 УК на 3 года за то, что он среди рабочих проводил к[онтр]р[еволюционную] агитацию, восхвалял положение рабочих в буржуазных странах, дискредитировал мероприятия партии и советской власти.

Дело Сердюка Ивана Ермолаевича, колхозника, осуждённого по ст. 54-10 ч. 1 УК за то, что он среди колхозников распространял песни к[онтр]р[еволюционного] характера, направленные на дискредитацию руководителей партии и правительства, а также и колхозного строя.

Количество рассмотренных Спецколлегиями дел по бандитизму (ст. 54-17 и 174 УК) не характеризуют степени роста этой преступности по УССР, т. к. Спецколлегии рассматривают лишь наиболее тяжёлые случаи этих преступлений. Основная масса дел идёт по общеуголовной подсудности. Однако мы должны констатировать, что в 1936 г. эта преступность по Украине снизилась.

Из изложенного вытекает, что областные Спецколлегии в основном проводят правильную судебную линию и наносят достаточно сильный удар по контрреволюции.

IV. СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ОСУЖДЁННЫХ

По социальному составу осуждённые за отчётный период распределяются:

Социальные группы	1-е полугодие	2-е полугодие	Итого	%%
Кулаки и другие, социально чуждые элементы	321	141	462	10,9
Деклассированные	84	22	106	2,5
Единоличники	225	160	385	9,0
Колхозники	297	444	741	17,5
Служащие	658	699	1357	32,0

Рабочие	390	615	1005	23,6
Прочие	93	98	191	4,5
Итого:	2068	2179	4247	100%

Если сравнить количество осуждённых по социальным группам в 1935 и 1936 гг., то получим следующую картину:

Социальные группы	1935 г.	1936 г.
Кулаки и прочие деклассированные элементы	1232	568
Единоличники	346	385
Колхозники	417	741
Служащие	901	1357
Рабочие	392	1005
Прочие	251	191
Итого:	3539	4247

Как видно из приведённых данных, количество осуждённых колхозников, рабочих и служащих в 1936 г. значительно увеличилось, а количество кулаков и прочих деклассированных элементов – уменьшилось.

V. Подготовительные и судебные заседания

Качество работы подготовительных заседаний за последнее время улучшилось. Спецколлегии стали более требовательными к качеству следственного материала.

Несмотря на улучшение работы подготовительных заседаний, мы имеем факт, что всё-таки значительное количество дел, как в 1935 г., так и в 1936 г. послано на доследование с судебных заседаний. Это свидетельствует о том, что работа подготовительных заседаний ещё не на достаточной высоте.

Нужно отметить, что указанный выше недостаток в работе подготовительных заседаний имеет место в Спецколлегиях, особенно перегруженных делами.

По неполным данным, за отчётный период послано на доследование Харьковской спецколлегией с судебных заседаний 64 дела и из подготовительных заседаний – 3 дела. Киевской спецколлегией с судебных заседаний – 56 дел и с подготовительных заседаний 3 дела.

По Черниговской спецколлегии: 14 дел – с подготовительных и 43 дела – с судебных заседаний. До некоторой степени лучшее положение имеем по Днепропетровской спецколлегии, где из числа посланных на доследование и прекращённых 196 дел – в подготовительных заседаниях, прекращено – 33 дела, и направлено на доследование – 60 дел, а с судебных заседаний – 103 дела.

Всего послано на доследование в 1936 г. 439 дел, что составляет 13,6% к общему числу рассмотренных дел, из которых не менее 90% дел следствием прекращено.

Однако проанализировав причину направления на дополнительное расследование дел с судебных заседаний, мы приходим к выводу, что подготовительные заседания по материалам предварительного следствия правильно назначали дела к слушанию. В процессе судзаседаний устанавливалось резкое расхождение в показаниях свидетелей на предварительном следствии с показаниями на судебном следствии, а также в результате судследствия вытекала необходимость проверки ряда фактов, которые были освещены неполно, либо недоказательно. Это влекло за собой направление дел на доследование. Так, например:

Дело Шульги, обвиняемого по ст. ст. 54-10 ч. 1 и 54-4 УК УССР (Киев). Проверкой материалов на судебном следствии установлено, что Шульга в данном деле не виновен, а что виновен в этом деле его односельчанин – служитель религиозного культа Адамский. Дело Шульги было возвращено на дополнительное расследование и в результате следствием было прекращено в отношении Шульги, а Адамский был передан суду военного трибунала и осуждён.

Дело Кондрахина, обвиняемого по ст. 54-10 ч. 1 УК УССР (Киев). Свидетели по данному делу были Агеев и Гиммельштейн, являющиеся старшими по службе в отношении Кондрахина.

Проверкой материалов в судебном заседании суд усомнился в правильности показаний свидетелей обвинения и направил дело к доследованию. В результате было установлено, что свидетель обвинения Агеев дал ложные показания. Дело в отношении Кондрахина было прекращено, а Агеев привлечён к партийной ответственности и исключён из партии.

Дело Дукарта, Вальтера и других в количестве 5 чел., обвиняемых по ст. ст. 54-4, 54-10 ч. II и 54-11 УК УССР (Одесса) в том, что Вальтер в феврале месяце 1934 г. в г. Вознесенске завербовал в к[онтр]р[еволюционную] националистическую организацию Дукарта, остальные обвиняемые, проходящие по делу, зная об этом, разделяли к[онтр]р[еволюционные] взгляды Вальтера и Дукарта.

В судебное заседание были представлены материалы, что обвиняемый Вальтер в феврале месяце 1934 г. проживал в с. Тарасовка Азово-Черноморского края, что в таком случае он не мог вербовать в к[онтр]р[еволюционную] организацию Дукарта и других.

На основании этого, дело было возвращено на дополнительное расследование для проверки этих материалов, в результате проверки дело за необоснованностью обвинения органами НКВД – прекращено.

Дело директора Давыдовской МТС Левченко, обвинявшегося по ст. 54-10 ч. 1 УК УССР (Харьков), обвинение его было построено в основном на показаниях уголовного Козенка, давшего путаные показания, не подтверждённые другими свидетелями. Дело было послано на доследование и следственными органами было прекращено.

Дело по обвинению Лелевской по ст. ст. 54-10 ч. 1 и 54-4 УК УССР (Киев). Проверкой материалов в судебном заседании было установлено, что показания свидетелей доверия не заслуживают и что в данном случае свидетели сводят с Лелевской личные счёты. Свидетели ссылались на лиц, не допрошенных на предварительном следствии, в связи с чем дело было возвращено на доследование. В результате дополнительного расследования дело прокуратурой прекращено.

Проанализировав категорию дел, прекращённых в судебном заседании, мы также пришли к выводу, что внесение этих дел в судебные заседания было в основном правильным. Прекращались же они в силу того, что в судебном заседании изменялась вся картина предварительного следствия. Так, например:

Дело Кузьменко, преданного суду по ст. 54-10 ч. 1 УК УССР (Киев). В судебном заседании, после допроса ряда свидетелей и проверки материалов дела Спецколлегия нашла предъявленное обвинение Кузьменко недоказанным и вынесла ему оправдательный приговор. Одновременно Спецколлегия установила, что к суду предан не тот, кто совершил преступление, что к[онтр]р[еволюционное] преступление совершил бывший председатель колхоза Бойко, а нач[альник] Каневского райотдела НКВД тов. Фурманов уклонился от изобличения действительного виновника Бойка и искусственно создал дело против Кузьменко. Спецколлегия вынесла по этому вопросу специальное решение, в результате чего Бойко привлечён к ответственности и осуждён на 5 лет лишения свободы, а нач[альник] райотдела НКВД снят с работы и осуждён трибуналом на 2,5 года лишения свободы.

Дело по обвинению Крутенко И. по ст. 54-10 ч. 1 УК УССР (Киев). В судебном заседании установлено, что основными свидетелями по делу являлись: Суслина – в прошлом сожительница Крутенко, и Некрасова, сестра Суслиной, дающая показания со слов последней. Проверкой материалов дела в судебном заседании Спецколлегия установила невиновность Крутенко и вынесла оправдательный приговор.

Дело Шут-Хлестунова, обвиняемого по ст. 54-13 УК УССР (Чернигов).

Шут-Хлестунов был исключён из партии и предан суду за то, что в 1919 г., во время захвата Чернигова деникинцами, вступил к ним на работу в контрразведку и принимал участие в розыске коммунистов. Дело было обосновано на показаниях братьев Бычок Прокофия и Семёна.

В судебном заседании уточнением показаний указанных свидетелей и допросом дополнительно вызванных по ходатайству защиты свидетелей установлено, что показания Бычок Прокофия и Семёна ложны, что Шут-Хлестунов не только не принимал участия в контрразведке и аресте коммунистов, а, наоборот, сам скрывался от деникинцев, работал до прихода деникинцев инспектором уголовного розыска г. Чернигова, что семья его за это со стороны деникинцев подвергалась репрессиям. Спецколлегия установила, что свидетель Бычок Прокофий служил в Деникинской армии и приводил офицеров на квартиры обвиняемого, офицеры избивали жену обвиняемого. Шут-Хлестунов был оправдан. Лжесвидетели привлечены к ответственности.

Дело по обвинению Костюк Людмилы по ст. 54-10 ч. 1 УК УССР (Винница).

Показаниями, данными на предварительном следствии свидетелями Локозюк (пред[седатель] правления колхоза) и Шляхтиченко, Костюк Л. обвинялась в том, что она в присутствии колхозников высказалась в к[онтр]р[еволюционном] духе о вожде партии и Марии Демченко*.

Допросы в судебном заседании этих свидетелей, а также вызванных дополнительно по ходатайству обвиняемой, было установлено, что обвиняемая является одной из инициаторов пятисотенного движения – в селе, не только не агитировала против вождей, а агитировала за дачу обязательства на 530 ц свёклы с гект[ара] вместо 350 ц.

Установлено также, что свидетели Локозюк и Шляхтиченко, на почве агитации обвиняемой за дачу обязательства сверх установленного правлением колхоза, дали ложные показания с целью выжить её из села. Костюк судом оправдана.

Все эти факты свидетельствуют о том, что направление большинства дел на исследование и прекращение дел в судебных заседаниях является следствием возникновения новых обстоятельств в судебном заседании и отказе свидетелей по различным причинам от данных ими показаний на предварительном следствии. Безусловно, что предвидеть эти обстоятельства в подготовительном заседании нельзя.

В судебные заседания Специальной коллегии в 1936 г. допускалась специальная проверенная защита и далеко не по всем делам. Конечно, это упрощало процесс.

После принятия новой Конституции в 1937 г. установлен такой порядок, что защита допускается, как правило, по всем делам. Недопущение защиты ограничено лишь узким количеством дел, в коих

* *Марія Софронівна Демченко* (1912–1996) – нар. у с. Старосілля, нині Городищенського р-ну Черкаської обл. Із 1930 р. – ланкова, ініціатор вирощування великих врожаїв (до 500 ц із га) цукрового буряка. У 1937–1946 рр. – депутат Верховної Ради СРСР. Після закінчення сільгоспінституту працювала агрономом у колгоспі Димерського р-ну Київської обл. Згодом закінчила аспірантуру Української сільськогосподарської академії і повернулася на роботу до колгоспу. Із 1965 р. – на пенсії, проживала у Києві.

затрагивается деятельность иностранных представителей или же по каким-либо другим обстоятельствам, вызывающим необходимость особо секретного рассмотера дела.

Большое участие в делах защиты создало более развёрнутые судебные процессы, на которые тратится значительно больше время, чем тратилось раньше по тем же делам.

Касаясь обстановки судебной работы Специальной коллегии, считаю необходимым отметить то обстоятельство, что помещение Спецколлегии, за редкими случаями, надо признать неудовлетворительными.

Залы судебных заведений обставлены крайне бедно и не вполне культурно. Также надо отметить, что и помещения членов Спецколлегии, кабинеты председателя и членов суда неудовлетворительны и обставлены плохо. В одной комнате сидят по 3–4 члена суда, что, конечно, не может не отражаться на качестве работы.

Имеются помещения Специальной коллегии, которые недостаточно изолированы от других помещений суда, недостаточно снабжены железными шкафами для хранения дел и переписок.

Почти по всем Специальным коллегиям областей отсутствует круглосуточная их охрана.

Всё это требует устранения, т. к. эти недочёты влияют на авторитет суда.

VI. Работа Спецколлегий Верховного суда УССР

Объём и темпы работы

В 1936 г. в Спецколлегию Верховного суда поступило 2089 дел, из них кассационных – 1950 дел и надзорных – 139 дел. Из числа поступивших дел рассмотрено 1937 дел на 3483 чел. и осталось на рассмотрении на 01.01.1937 г. – 152 дела.

Если сравнить движение дел по кассинстанции за 1935 и 1936 гг., то получим следующую картину:

1935 г.	1936 г.	рост в %
1249	2089	67,6

Как видим, поступление дел в Спецколлегию Верховного суда УССР в 1936 г. увеличилось на 67,6%.

Движение дел поквартально характеризуется следующими цифрами:

Кварталы:	Поступило:		Рассмотрено:	
	Кассацион[ных]	Надзорных	Кассационных	Надзорных
Оставалось на 1.1.1936 г.	207	19	–	–
I-й квартал	511	36	580	47
II-й -"-	283	38	386	38
III-й -"-	311	29	306	22
IV-й -"-	638	17	529	29
Итого	1950	139	1801	136

Как видно из приведённых данных, поступление дел в кассинстанцию из квартала в квартал увеличивается. Если во 2-м квартале в Спецколлегию Верх[овного] суда поступило 321 дело, то в 3-м квартале – 340, увеличение на 5,9%.

Поступление дел в четвёртом квартале значительно увеличилось. Всего поступило 655 дел, по отношению к 3-му кварталу увеличено на 93%.

Темпы рассмотрения дел, прошедших в Спецколлегии Верховного суда, характеризуются следующими цифрами:

До 10 дней рассмотрено 637 дел, что составляет – 32,9%.

От 10 дней до 1 м-ца – 1062 -"- -"- -"- – 54,8%.

Свыше месяца -"- – 238 -"- -"- -"- – 12,3%.

Из этого видно, что основное количество дел рассмотрено в срок до 1 месяца и незначительная часть дел рассмотрена свыше месяца.

Несмотря на увеличение поступления дел в IV кварт[але] в Спецколлегию Верховного Суду и напряжённость работы, темпы прохождения дел в IV квартале значительно сократилась. Если в III квартале отчётного периода до 10 дней рассмотрено 19% дел, от 10 до 1 месяца – 75% и свыше 1-го месяца – 6% дел, то в IV квартале до 10 дней рассмотрено 38,1%, от 10 дней до 1 месяца – 61,5% и свыше месяца всего – 0,4%.

Следует отметить улучшение работы Спецколлегии Верховного суда УССР. Из числа рассмотренных Спецколлегиею 1802 кассационных и надзорных дела прокуратура внесла протесты в Президиум Верховного суда Украины только по 32 делам, причём часть протестов касалась изменения квалификации преступления и несколько протестов в сторону смягчения меры наказания.

Президиум Верховного суда УССР по 12 делам протесты Прокуратуры отклонил и оставил в силе Спецколлегии. По 20 делам протесты удовлетворены.

По первой инстанции Спецколлегией Верх[овного] суда УССР за отчётный период рассмотрено всего два дела.

Дело по обвинению Заволоки и Ткаченко по ст. 54-10 ч. 1 УК УССР (Киев).

Заволока работал на руководящих комсомольских и партийных работах. Последняя работа перед привлечением к ответственности – культпроп Ленинского РПК г. Киева.

На протяжении 1929–1935 гг. Заволока вёл дневник, в котором не только выражал своё несогласие с линией партии, а призывал к борьбе против руководства партии, придавал контрреволюционное освещение внутривнутрипартийному положению, сравнивал политику партии с фашистской диктатурой, клеветал на партию и советскую власть, острії к[онтр]р[еволюционных] записей в дневнике было направлено против тов. Сталина.

Заволока, встречаясь со своим знакомым Ткаченко, высказывал ему свои к[онтр]р[еволюционные] взгляды, пытаясь обработать его в к[онтр]р[еволюционном] духе, используя те материальные условия, в которых Ткаченко находился, и его невысокий уровень политического развития. Встречи Ткаченко и существование к[онтр]р[еволюционных] разговоров с ним также находили своё отражение в дневнике.

Заволока осуждён к лишению свободы на десять лет и пять лет поражения в правах.

Ткаченко по ст. 54-12 осуждён к лишению свободы на 2 года и один год поражения в правах.

Дело по обвинению Гетлера Адольфа по ст. ст. 54-2, 54-11 УК УССР (Киев).

Проверкой материалов в судебном заседании установлено, что Гетлер являлся активным участником к[онтр]р[еволюционной] фа-

шистской организации, принимал участие в её к[онтр]р[еволюцион-ной] работе и поддерживал связь с членами к[онтр]р[еволюционной] украинской военной организации «УВО». Целью указанной фашистской организации являлось свержение советской власти и превращение Украины в колонию Германского империализма.

Поддерживая связь с членами центра «УВО», Гетлер присутствовал на совещаниях к[онтр]р[еволюционной] организации «УВО», на которых обсуждались вопросы борьбы с советской властью.

Гетлер осуждён к лишению свободы на 5 лет и поражения в правах на три года.

Недостатки работы Спецколлегии по данным кассинстанциям

По делам, рассмотренным в кассационном и надзорном порядке, можно судить, что Спецколлегии на местах в последнее время более внимательно подходят к рассмотрению дел. Если в 1935 г. без всяких изменений оставлено 78,3% приговоров, то в 1936 г. – 79,6%.

Изменена классификация преступлений с оставлением приговора в силе в 1935 г. – 7,1%, в 1936 г. – 4,2%. В отношении отменённых приговоров имеем несколько другую картину. Если в 1935 г. отменено – 2,5%, то в 1936 г. – 8,2%. Это объясняется повышенными требованиями со стороны Спецколлегии Верховного суда, как в отношении правильности разрешения дел областными Спецколлегиями, а также ведения судебного следствия (протоколы судебных заседаний) и составления приговоров.

Приведённые данные позволяют сделать вывод, что работу Спецколлегий областных судов в целом следует признать неплохой.

Наряду с этим, необходимо отметить и ряд недостатков, выявленных в порядке кассационного рассмотрения имеющих место в работе Спецколлегий, они выражаются в следующем:

По некоторым Спецколлегиям имели место случаи осуждения обвиняемых без достаточно полной проверки доказательств, как пример: дело Божко и Королёва по Черниговской спецколлегии, по которому оба обвиняемые были осуждены по ст. ст. 54-11 и 54-7 УК УССР на 5 лет каждый. Обвинение обосновывалось на показаниях одного из двух свидетелей, из коих один – СТАРОВЕРОВ – показал, что о к[онтр]р[еволюционной] деятельности этих лиц он знает со слов

члена к[онтр]р[еволюционной] организации СЕРАПИНА. Ни следствие, ни суд не обратили внимания, что в деле имеется материал, доказывающий, что СЕРАПИН никогда не судился не только как член к[онтр]р[еволюционной] организации, но и вообще никогда не привлекался к уголовной ответственности. Кроме того, в деле имелись показания и самого СЕРАПИНА, в которых он заявлял, что о к[онтр]р[еволюционной] деятельности Божко и Королёва он ничего не знает. Мы приговор отменили, и дело производством прекратили.

Дело Запарного, осуждённого Харьковской спецколлегией по ст. 54-10 ч. 1 УК УССР на 4 года за проведение к[онтр]р[еволюционной] агитации среди колхозников. Из дела было установлено, что обвиняемый, будучи членом ревизионной комиссии колхоза, вскрыл ряд преступлений со стороны членов правления колхоза, о чём неоднократно подавал заявления прокурору, а также посылал ряд заметок в газету «Коммунист», и это разоблачение послужило поводом для мести со стороны членов правления. Ни следственные органы, ни суд при разборе этого дела не проверили заявления подсудимого, что со стороны председателя и членов правления сводятся с ним личные счёты. При рассмотрении этого дела в кассационном порядке нами были эти органы запрошены, которые подтвердили правильность заявления осуждённого, в результате чего Запарный был оправдан.

Дело Волошина, Харьковской спецколлегии, пом[ощник] нач[альника] Политотдела по комсомольской работе, Голобородковского совхоза, осуждённого по ст. 54-10 ч. 1 УК УССР к 3-м годам лишения свободы за распространение провокационных слухов о якобы бывшей забастовке на Путиловском заводе и контрреволюционные толкования трудностей, имевших место в 1933 г. в совхозе. Ни следственные органы, ни суд не обратили внимания, что свидетели о к[онтр]р[еволюционном] поведении Волошина заявили только в 1935 г., тогда как это преступление было совершено в начале 1934 г., не проверили заявления обвиняемого на наличие личных счетов с нач[альником] Политотдела и некоторыми работниками совхоза, которые и являлись свидетелями по его делу. Мы приговор суда отменили, и дело послали на рассмотрение со стадии предварительного следствия, освободив Волошина под подписку. При вторичном

расследовании, факты, приведённые обвиняемым, подтвердились, и дело следствием было прекращено.

Дело Шмидта Курта Яковлевича и других в количестве 5 чел. (Днепропетровская спецколлегия), осуждён[ных] по ст. ст. 54-10 ч. 1 и 54-11 УК УССР от 5 до 8 лет каждого за то, что проводили среди учащихся к[онтр]р[еволюционную] работу, а также проводили к[онтр]р[еволюционную] агитацию среди колхозников. Свидетелями по этому делу являлись пред[седатель] сельсовета Ленцман и его дочь Ленцман. Ни следствие, ни суд не обратили внимания, что, кроме семьи Ленцман, других свидетельских показаний нет, не обратили внимания на заявление Шмидта и других, что они раскрывали целый ряд злоупотреблений со стороны Ленцмана, как пред[седателя] сельсовета, и его дочери, как пред[седателя] колхоза, и что в результате этого семья Ленцман и стала давать ложные показания о якобы контрреволюционной работе обвиняемых. Мы приговор суда первой инстанции отменили, всех осуждённых освободили и дело передали на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. В результате дело следствием было прекращено.

На подготовительных заседаниях, а иногда и в судебных заседаниях Спецколлегии, недостаточно внимательно относятся к фиксации в судебных документах частей той или же другой статьи УК.

Так, например, пишут: преступление квалифицировано по ст. ст. 54-10 и 68 УК, не указывая по какой части, в то время, как обозначение части имеет особенно важное значение потому, что части этих статей, а также и других стат[ей] УК имеют различные санкции. Наблюдаются случаи, когда протоколы судебных заседаний ведутся неряшливо, иногда протокол судебного заседания не подписан председательствующим и секретарём судебного заседания (дело Фрома, Одесская спецколлегия).

Некоторые протоколы неполно отражают то, что говорится в суде. Внесённые исправления в протокол председательствующим не оговариваются и иногда вносятся карандашом.

Наблюдаются случаи, когда приговор обосновывается на данных предварительного следствия, а протокол судебного следствия во внимание не принимается.

Например, дело КОРОТКИНА, РЕЗВИНА и ЛИНКОВСКОГО Черниговской спецколлегии, обвиняемых в к[онтр]р[еволюционной] трюц-

кистской работе. Приговор составлен исключительно на материалах предварительного следствия, в то время, когда в суде не было приведено ни одним свидетелем хотя бы малейшего факта их к[онтр]р[еволюционной] работы, а наоборот, все свидетели положительно отзывались о подсудимых. (Дело в кассационном порядке прекращено).

Не всегда Спецколлегии достаточно чётко мотивируют в приговорах доказанность или же недоказанность инкриминируемого преступления подсудимому, недостаточно чётко конкретизируют обвинение. Из некоторой части дел, прошедших в Спецколлегии Верховного суда УССР, видно, что Спецколлегии в описательной части приговоров часто пишут общие фразы обвинения, которые совершенно недопустимы и особенно в приговорах, где проходит один осуждённый.

Недостатки предварительного следствия

Одним из очень серьёзных недостатков в работе является неудовлетворительность предварительного следствия и слабость прокурорского надзора на местах за следствием.

Основные недостатки предварительного следствия – это неполнота расследования фактов по делу и часто односторонность.

Следственные органы часто не проверяют всех фактов, выдвигаемых обвиняемыми в своё оправдание. В результате чего Спецколлегиям приходится довольно большое количество дел возвращать на дополнительное расследование и часть дел производством прекращать.

Следует привести несколько примеров односторонности и неполноты предварительного следствия:

Дело доктора Ковинского (Днепропетровск), обвинявшегося в антисоветской агитации.

В судебном заседании установлено, что главные свидетели по делу Гурнак и Кривко, избличающие Ковинского в антисоветской агитации, первый из них служил в белой армии, скрывавший это обстоятельство, другой – сын священника. Другие свидетели, допрошенные по делу, характеризовали Ковинского как специалиста высокой квалификации, чутко относящегося к своим посетителям. Спецколлегией дело было возвращено на дополнительное расследо-

вание, и в дальнейшем органами НКВД прекращено. Работникам, проводившим следствие по данному делу, вынесено дисциплинарное взыскание.

Дело научного сотрудника сельхозинститута Спачака (Днепропетровск), обвинявшегося во вредительстве и принадлежности к [онтр]р[еволюционной] организации. По материалам предварительного следствия, вредительская деятельность Спачака заключалась в неправильной разработке тематики и вредительской постановке научных опытов. Предварительное следствие не произвело экспертизы тематики, не проверило вредительской деятельности в постановке опытов. Это заставило Спецколлегию возвратить дело для дополнительного расследования, в результате чего дело органами НКВД прекращено.

Дело по обвинению Гетьмана о сокрытии своего кулацкого происхождения при вступлении в партию. Проверкой материалов дела в подготовительном заседании установлено, что Гетьман своего происхождения не скрывал, и это было известно парторганизации ещё в 1929 и 1933 гг. Гетьман из партии исключался дважды и дважды восстанавливался вышестоящими партийными органами. Всё это, однако, не помешало следственным органам привлечь Гетьмана к судебной ответственности после проверки партийных документов.

Дело в отношении Гетьмана в подготовительном заседании закрыто.

Дело по обвинению Чухненко по ст. 54-10 ч. 1 УК (Чернигов). Чухненко обвинялся в том, что он в 1933 г. написал статью в газету «Правда», где выразил своё недовольство политикой партии и правительства, а в 1936 г. на межрайонном совещании работников лесхозов якобы доказывали невозможность применения стахановских методов работы в системе лесных хозяйств.

В судебном заседании было установлено, что за написанную им заметку в газету «Правда» Чухненко в 1933 г. был исключён из партии и в этом же году Черниговским обкомом в партию восстановлен. Антистахановское высказывание Чухненко на совещании Лесхозов материалами дела в судебном заседании не подтвердилось. Чухненко по суду оправдан.

В итоге недостатков следственной работы и слабости прокурорского надзора, как мы указывали выше, было направлено на досле-

дование 13,6% всех дел, из коих свыше 90% впоследствии следственными органами было прекращено. Было оправдано в судебных заседаниях 4,6% к числу осуждённых.

Таким образом, принимая во внимание, что из числа направленных на следствие и прекращённых по ряду дел привлекались не по одному, а по нескольким обвиняемым, надо полагать, что общий процент неосновательно привлечённых к ответственности составляет примерно около 20% к числу осуждённых.

Если принять во внимание, что эти люди, будучи привлечены к уголовной ответственности – по к[онтр]р[еволюционным] преступлениям, немедленно заключались под стражу, то необходимость улучшения качества следственной работы и усиления прокурорского надзора за следствием станет совершенно очевидной.

VII. Состав Специальной коллегии

Вся изложенная выше работа проведена членами Спецколлегии в количестве 35 чел., в том числе 6 членов Спецколлегии по Верховному суду.

Члены Спецколлегии по парт[ийному] стажу до 1921 г. составляют 30 чел. и от 1923 г. до 1930 г. – 5 чел.

Из общего числа членов Спецколлегии 30 чел. являются бывш[ими] работниками ЧК ОГПУ с большим стажем оперативной работы.

Все эти люди выдержаны, политически достаточно развиты. К настоящему времени они уже вполне освоились с судебной работой. Правильно применяют материальное и процессуальное законодательство при рассмотрении дел.

5 чел. – бывш[ие] судебные работники. Это также люди с большим судебным стажем. Некоторые из них прошли стаж трибунальской работы и на судебной работе состоят с 1918–1919 гг.

Таким образом, состав Спецколлегии является квалифицированным, отобранным из состава работников ЧК ОГПУ, а также из состава лучших судебных работников. Надо сказать, что количество людей (штаты) было определено по состоянию на 1934 г., т. е. на момент организации Спецколлегии в связи с реорганизацией ОГПУ и НКВД.

За этот период времени поступление дел в Спецколлегии, как это видно из вышеприведённых данных, выросло выше, чем в 2 раза.

Также изменился совершенно, в связи с новой Конституцией, порядок рассмотрения этих дел. Процессы стали более развёрнутыми, с большим участием защиты и, следовательно, на них тратится значительно больше времени, чем тратилось при упрощённых процессах.

Таким образом, для того, чтобы без задержек рассматривать дела, необходимо по всем областям Республики, а также и по Верховному суду, увеличение Спецколлегий ещё минимально на один состав, и на 1–2-х технических работников. Также необходим отпуск специальных средств на организацию охраны и приведения в порядок помещений Спецколлегий.

Нами возбуждён вопрос в НКО СССР о дополнении штатов, однако до сих пор этот вопрос не разрешён. Необходимо разрешить этот вопрос в кратчайший срок.

В настоящее время члены Спецколлегий работают без выходных дней, затрачивая ежедневно на работу 14–16 часов в сутки. Они лишены возможности культурной жизни и повышения своего политического уровня. При таких условиях качество работы Спецколлегий, безусловно, может снизиться.

Наряду с этим, необходимо отметить, что в отношении Спецколлегий недостаточно проявлено заботливости в смысле их положения в Облсуде. Предполагалось при организации Спецколлегии, что председатель областной Спецколлегии, председатель Спецколлегии Верховного Суда – являются заместителями соответствующих судов. Это положение никем до сих пор не узаконено.

Нами получено письмо НКО СССР, в котором заместителями председателей судов являются председатели уголовной и гражданской коллегии. Помимо того, что при таком положении принижается роль председателя Спецколлегии суда, он также и материально обеспечивается слабее.

Если принять во внимание, что из числа имеющих 35 чел. в Спецколлегии 30 товарищей являются работниками в прошлом ЧК ОГПУ, что они в прошлом, следовательно, были обеспечены, с точки зрения оплаты их работы, значительно выше, чем они обеспечены сейчас, что они получали систематическую специальную лечебную помощь в виде санаторий и проч., то станет ясна причина, почему эти работники всё время стремятся уйти на работу обратно в органы НКВД.

Работая в суде, они получают меньшую оплату, не получают обмундирования, не получают систематической лечебной помощи. Если кто-либо из товарищей заболеет, то приходится принимать целый ряд мер для того, чтобы этому товарищу оказать ту или иную необходимую помощь.

Следовательно, и этот вопрос, вопрос оплаты членов Спецколлегии, вопрос оказания лечебной помощи требует своего разрешения. Неразрешение этого вопроса приводит к тому, что мы в настоящее время не имеем возможность пополнить наши кадры достаточно квалифицированными работниками.

Основной резерв для пополнения – это работники НКВД. Однако, зная о положении члена Спецколлегии, достаточно квалифицированные люди всячески уклоняются от того, чтобы пойти на эту работу. Разрешение материального положения членов Спецколлегии есть, в то же время, и разрешение вопроса о кадрах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХОВНОГО СУДА
УССР

Шумятский

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СПЕЦКОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА УССР

Мулявко

Отпеч. 10 экз.

Разослано т. т.

С. В. Коссиору

П. П. Любченко

Г. И. Петровскому

В. А. Балицкому

Х. П. Радченко

А. Н. Винокурову

В. В. Ульриху

Пилявському

экз.* в делах с/ч Верховсуда УССР

ГДА СБ України, ф. 16, оп. 1, спр. 63. Оригінал. Машинопис.

* Так у тексті.

REFERENCES

1. Haustov, V., Naumov, V., Plotnikova, N. (Comps.). (2003). Lubyanka. Stalin i VCHK–GPU–OGPU–NKVD. YAnvar' 1922 – dekabr' 1936. Moscow: MFD. [In Russian].
2. Kamalova, G. (2008). Konceptiya zakonnosti v gody NEPa: teoriya i praktika. *Vestnik YUzhnoural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo»*, 18, 3–10. [In Russian].
3. Kokurin, A. Petrov, N. (Comps.). (2003). Lubyanka. Organy VCHK–OGPU–NKVD–NKGB–MGB–MVD–KGB. 1917–1991. Spravochnik. Moscow: MFD. [In Russian].
4. Kondrat'eva, T. (1993). Bol'sheviki-yakobincy i prizrak Termidora. Moscow: Ipol. [In Russian].
5. Mozohin, O. (Comps.). (2017). Politbyuro i organy gosudarstvennoj bezopasnosti. Moscow: Kuchkovo pole. [In Russian].
6. Okipniuk, V. (2017). Orhany derzhavnoi bezpeky URSR (1922–1941 rr.). – Kherson: Vydavets' Hrin' D.S. [In Ukrainian].
7. Romanets' N., (2014). Represyvna polityka radians'koi vlady v ukrains'komu seli (1925–1939). Kryvyj Rih. [In Ukrainian].
8. Shemshuchenko, Yu. and Bobrovnyk, S. (1998). Zakonnist'. In *Entsyklopediia istorii Ukrainy im. M. Bazhana* (Vol. 2, p. 498). Kyiv: Naukova dumka. [In Ukrainian].
9. Solomon, P. (2008). Sovetskaya yusticiya pri Staline. Moscow: ROSSPEN. [In Russian].
10. Tyazin, E.N. (1995). Organizaciya i deyatelnost' special'noj sudebnoj kollegii Verhovnogo suda Mordovskoj ASSR po rassmotreniyu del o gosudarstvennyh prestupleniyah (1934–1938 gg.). *Vestnik Mordovskogo universiteta*, 4, pp. 33–37. [In Russian].

**Stavniuk I. The Activities of the Special Collegium
of the Supreme Court of the Ukrainian SSR
and Regional Special Collegiums in 1936:
Charge Types, Statistics, and Convicts' Social Status**

The article's goal is to investigate the principles behind the formation of these collegiums, their activities, how court proceedings are conducted, and the political bent of judicial punishment, based on the report of the regional special collegiums of 1936 and the Special Collegium of the Supreme Court of the Ukrainian SSR.

Approaches and methods. To accomplish this purpose, particular search methods, historical reconstruction methods, and problematic and chronological methods were applied. Hermeneutics was the method applied while examining archive documents. The objectivity and historicism criteria were taken into consideration when critiquing the historical source.

Conclusions. The author has examined various facets and trends of the 1935–1936 judicial policy of the Bolshevik dictatorship. The operations of regional special judicial bodies were the principal subject of the study. The extrajudicial process of decision-making that was a feature of the USSR's OGPU colleges was to be mainly replaced by the special colleges. The public was to be shown, even through an accelerated trial, how just the decisions rendered against individuals charged with counterrevolutionary actions were.

But even formalized trials were unable to guarantee the required speed in the struggle against different avowed and «counter-revolutionary» factions. The overwhelming majority of special panels failed to meet the deadlines for consideration. The members of the special collegiums were also expected to make sure that there was substantial evidence and that all investigational guidelines were being followed. However, in an attempt to expedite the trial, NKVD investigators attempted to fabricate evidence of «counter-revolutionary activity» when they were unable to consistently gather it. As a result, several of the criminal cases were referred for further investigation, which prolonged the period that «counter-revolutionaries» may be punished.

The practice of using special colleges in 1934–1936 demonstrated that during mass arrests, they were unable to quickly pass judgment on the alleged «counter-revolutionaries». As a result, during the Great Terror of 1937–1938, the USSR's top political leadership assigned them a supporting role in those cases where there was at least some vague evidence. Extrajudicial bodies known as the «dvojki» and «trojki» made the main decisions.

Key words: special collegium, Supreme Court, NKVD of the USSR, political repression.